

Надежда Нелидова

ПРАКТИКАНТКА

ЧАСТЬ 1. ОФИГЕНИЯ В ОБИДЕ

— Боже, какая прелесть!

Старенький дребезжащий автобус вёз второкурсницу мединститута Аню и пассажиров по белой пыльной дороге. Мимо окошек проносились седые от пыли берёзы и ёлки.

Мелькали остановки. Вместо прежних громоздких железных, облезлых коробок радовали глаз лёгкие, веселенькие павильончики из яркого голубого, жёлтого, зелёного поликарбоната.

Автобус останавливался, высаживая пассажиров. И Аня с грустью наблюдала в углах павильонов всё те же коричневые сохлые и свежие, вонючие пирамидки. Над ними с пчелиным гулом роились, пировали тучи больших зелёных мух. Ничего не изменилось с тех пор, как Аня покинула эти места. По-прежнему население воспринимало остановки как места, где можно и даже необходимо справить нужду.

И нарядный новенький поликарбонат уже уродливо расползлся, зиял рваными, оплавленными дырами. «Молодёжь балует, — кивнула Анина соседка, заметив её взгляд. —

Окурки забрасывают на крышу. Руки у них маются от безделья». «А души и головы — от пустоты», — мысленно дополнила Аня.

Там и сям тянулись свалки, в основном из пластика и строительного хлама. Машины с мусором не удосуживались хотя бы заехать в глубь леса — валили прямо у дороги.

Чем дальше, тем больше нагло выпирал к кюветам разросшийся молодой, разлапистый борщевик. Насколько хватало глаз: там, где раньше волнами ходили нежные всходы овса и ржи — всюду простирались, жирно, ядовито зеленели борщевичные заросли.

«Скоро мы будем гулять в борщевичных лесах. Хотя, пожалуй, после прогулки угодишь с волдырями II степени в ожоговый центр, — грустно подумала Аня. Она любила эту землю, и ей было грустно оттого, что люди с нею делали.

Но на одном повороте неожиданно выплыла, ослепила глаза дородная, кружевная, нарядная как невеста, церковь. Здесь шофёр подсадил группку малышей, во главе с пожилой женщиной. Деревенский детский садик. Мальчики в картузиках, девочки в беленьких платочках.

Женщина-воспитательница протянула водителю полную пригоршню мелочи. Пожилой шофёр махнул крупной коричневой ладонью:

— Чего там! Ехайте.

У Ани и так настроение было приподнятое, каникулярное. А при этой домашней сценке на сердце разлилось ещё больше уюта и тихой, светлой радости. На следующей развилке малыши посыпались из автобуса, как горох. Аня насчитала их числом шестнадцать. Выпрыгивая, каждый мужичок (и бабёночка) с ноготок пищали:

— СпащибО! — именно через «щ» и с ударением на последнем слоге. 16 горошинок — 16 очаровательных «спащибО». Ехавшая впереди городская дама бурно умилялась:

— Боже, какая прелесть! Как маленькие французики! Откуда такой забавный акцент?

Аня думала: «Откуда, откуда. Шепелявость — это они переняли от бабушек, милые повторяшки и попугайчики. А беззубость — бич всей деревни. Раньше не было врачей, сейчас — денег на врачей. Пойдут в школу — и застыдятся, и потихоньку отвыкнут от родного диалекта, и будут акать и говорить, проглатывая слоги, торопливо и скучно, как все».

Аня ведь была из этих мест и обиделась за «забавный акцент».

По закону подлости, в первый же день практики она жестоко простыла и месяц провалялась с бронхитом. Теперь нужно было отрабатывать, на выбор: в городской лаборатории

мыть пузырьки или санитаркой — в сельской больнице. Ну конечно, лето в деревне — что может быть лучше!

Она и не подозревала, что остались такие больницы: окружённые стеной угрюмых елей, тёмные, деревянные. Построенные в середине прошлого года, ещё с печным отоплением.

В уборную в конце коридора Аня шагнула с опаской, памятуя о городских общественных туалетах, с убойным запахом и лужами на полу. Но здесь на половицах сияла свежая масляная краска, на окошке полоскалась под ветерком подсинённая марлечка. На полочке рулон туалетной бумаги и баллончик с дешёвым освежителем воздуха. На стене листок: *«Уважайте труд санитарок!»*

Чуть ниже ещё распечатанный листок, творческий, с юморком:

«Просьба, вне зависимости от поставленных целей и результатов, смывать за собой! Если достигнутые результаты превзошли ожидания — не забудьте воспользоваться ёршиком!»

Больница отживала последние дни: на краю посёлка высилась готовая к сдаче новая кирпичная, двухэтажная.

Главврача звали Валентина Ивановна Дебелая. Дебелая — не комплекция, а фамилия. Впрочем, фамилия вполне соответствовала комплекции.

— Как знаешь, красатуля, — добродушно прогудела она, вертя Анино направление из деканата. — По положению, мы имеем право взять тебя на шесть часов в день. Но это нам ни к селу, ни к городу, одна морока. Как говорится: если бы все положения выполнялись, мы бы давно при коммунизме жили, — Валентина Ивановна поколебала обтянутыми халатом необъятными грудями: посмеялась. — Давай так: берём на полное рабочее время и платим как штатной единице. Немного, но подзаработаешь. А нам, грешникам, Бог простит.

Скрипя жалобно прогибающимися под её весом хлипкими половицами, она провела смущённую Аню по кабинетам и палатам. Представила везде, как очень важную персону:

— Практикантка, будущий врач — а пока наша новая санитарочка! Прошу любить и жаловать.

Все доброжелательно кивали, улыбались и дружно выражали сожаление, что Аня поработает только один месяц. Особенно мужская палата сожалела.

Мужская здесь была одна: травматологическая.

— Сельские мужики болеть не любят. Если только совсем прижмёт или ЧП, — объяснила

Валентина Ивановна уже в коридоре. Незаметно показала в открытую дверь:

— Вон тот герой от большого ума в незнакомый омут сиганул, а там — коряга. Поддатый, конечно, был. Тот на мотоцикле разбился, тоже в алкогольном угаре. Этот из леспромхоза, с бригадой дерево валил. Оказалось свилеватое: крутанулось вокруг оси, не успел отскочить. Перелом основания черепа, неделю как вышел из комы. У двоих прогноз неблагоприятный: до конца жизни прикованы к койкам. Но ты не им проболтайся. Наоборот, поддерживай: мол, всё хорошо, на ноги встанете.

Аня, проходя мимо курилки, слышала вслед восхищённый присвист:

— Офигенная девушка!

— И прикид такой... Ничего.

Она ещё не успела переоблачиться в медицинскую голубую спецодежду. На ней была модная блузка в облипочку, тугие голубые джинсы.

— Слышь, как раз книжку читаю: «Ифигения в Авлиде». А у нас, итить твою, теперь своя Офигения в прикиде! И-эх, отвали, моя черешня, я черёмуху люблю!

Какой здесь, оказывается, начитанный народ...

Дневная смена — от рассвета до заката, 12

часов. Ночная тоже двенадцатичасовая — день через два: отсыпной, выходной. Чем хороша работа санитарки — смена пролетает как одна минута. Не успеешь заступить — уже вечер. Или утро. «Аня, заработалась?! Домой пора».

Горшки, судна, утки. Смена белья. Умывание-подмывание, кормление лежачих. Еду нужно нести на коромысле из пищеблока, избушки-развалюшки под могучей елью. Два десятилитровых эмалированных ведра: в одном колышется до краёв налитый огнедышащий рассольник. В другом ведре гора гарнира, вверху котлеты. Компот отдельно. Потом без передыха — на раздаче.

И снова: судна, горшки, утки. Мытьё посуды — трижды в день. Влажная уборка палат и коридоров — утром и вечером. Операционных — по мере надобности. Утки, судна, горшки. И всегда на подхвате у докторов, сестричек и больных: «Анечка, принеси». «Анечка, подай».

В первый день старшая медсестра схватила Анину руку холодными, сухими до мороза по коже, пальцами. Высоко подняла, на всеобщее обозрение:

— С ума сошли?! В стерильном отделении! Немедленно остричь ногти!

Зато и втройне приятно было через неделю услышать за спиной её негромкое:

— Молодец девочка, грязной работы не

чурается. Я думала, эта фифа от нас через два дня сбежит.

Среди Аниных обязанностей была даже такая, уютно-домашняя: выпекание картофеля для сердечников. Природный источник калия для больных прописывал доктор. Аня мыла, резала на кружочки, обязательно с кожурой. Переворачивала ножом на раскалённой плите золотистые ароматные дольки. Можете представить такую заботу в городской больнице?!

Когда на улице было дождливо и холодно — топили большую печь в приёмном покое. Колка дров — тоже обязанность санитарки. Ну, тут не было отбоя от скачущей как кузнечики травматологии. Лишь бы целые руки: соскучились по мужицкой работе. Бахвалились, приседали, смачно крикали, ухали, с непонятными шутками-прибаутками: «И-эх, поцелуй меня с разбега, я за деревом стою!»

Раскальвали чурки «как сахарок»: с первого раза. Рисовались друг перед дружкой силой и меткостью ударов. Сложили под навесом жёлтую душистую поленницу на загляденье.

Медсестра Люда (процедурная и хирургическая в одном лице) незлобиво подколола-позавидовала:

— Небось, мне так прытко не помогают. То ли дело, молоденькой да хорошенькой.

Для Ани Люда стала маяком, путеводной звездой. Ангелом-хранителем и опытным вперёдсмотрящим в её первых санитарских шагах.

Вот стремительно прошёл молодой, воображающий о себе хирург. Он всегда ходил стремительно, так что полы халата крыльями разлетались, и овевало ветерком лицо. Сухо, неприязненно бросил на ходу Ане:

— Почему у вас больная П. до сих пор не помочилась?

— Я не...

— Чтобы через полчаса больная П. помочилась.

Больная П. — очень корпулентная женщина. Её кровать округло возвышалась посреди прочих коек как большой холм. У Ани до сих пор ныла спина после перекалывания больной П. с каталки на кровать.

Она вокруг неё только что в шаманской пляске не кружилась, в бубен не била. Беспомощно умоляла:

— Ну, миленькая, поднатужьтесь! Пожалуйста, пописайте! Мне за вас попадёт, а вам придётся катетер вводить.

Та только колыхала телесами, жалобно стонала и закатывала глаза. Люда посмотрела-посмотрела на их мучения. Сжалилась:

— Эх, практика! И чему вас в институтах

учат?

Принесла из буфета старый облупленный чайник, соблазнительно зажурчала между мощных чресел тонкой струйкой в судно. Ласково, как маленькой, зазывно пела-приговаривала: «Пис-пис-пис!»

Через минуту зажурчал ручеек: сначала слабенький, потом всё мощнее. Больная П., опорожнившись, сладостно охала и стонала. Аня, боясь расплескать, несла в вытянутых руках тяжёлое тёплое судно в уборную — как драгоценность, как живое существо.

Когда за окном накрапывает дождик и гнётся под ветром ели — в больнице по вечерам зажигают свет, становится умиротворённо и уютно. В мужской палате режутся в карты, читают книжки и травят байки. Непрестанно деловито снуют в курилку и обратно.

Если заходит разговор — то на масштабные, глобальные темы — на меньшее не распыляемся. Сегодня обсуждают запредельные цены на лекарства. Во всемирном заговоре фармацевтов против всего человечества мужская палата давно не сомневается.

Химики-алхимики, очколупы в чистеньких халатиках. Выводят в своих лабораториях невидимую гадостную дрянь: бактерий, микробов,

грибков разных. Закаляют их, делают устойчивыми к лекарствам, к внешней среде. Фасуют в спичечные коробочки — и с курьерами, под видом туристов, развозят, сеют по всему белому свету. Вот так встанут незаметно в людном месте, где-нибудь в метро в час пик — и вытрясут из коробочки: фу-у-ур!

Мужикам почему-то особенно нравится идея со спичечными коробками — как тары для перевозки микробов. «Заглянет таможенник в коробочку — кусочек мяса, ну кусочек. А там, если под микроскопом — ангидрид твою медь! Смерть кишит...»

— Это хлебушек для них. Фармацевты тоже кушать хотят, — подзуживает, подливает масла в огонь главный палатный смутьян и зачинщик — щуплый черноглазый мужичонка по фамилии Федоскин.

— Карданный вал им в одно место! — ругаются мужики. — Больно аппетиты у них людоедские! Расплодились как вошки лобковые: аптека на аптеке сидит и аптекой погоняет. Только вывески разные: «Дорогая аптека». «Очень дорогая аптека». «Надо бы дороже, да некуда».

— Мужики, кому клизма с ромашкой назначена? — заглядывает в дверь Люда.

Разоблачитель мировых заговоров Федоскин суетливо соскакивает с койки. Подтягивая

штанишки на ослабшей резинке, спешит в малую процедурную.

В мужской палате, под взглядами двенадцати пар глаз, Аня чувствует себя неудобно. У них одно на уме, как презрительно говорит Люда.

Как раз час вечерней уборки: Аня гремит ведром с водой, шмякает шваброй, шурует под койками и тумбочками. Велит поджимать ноги и без надобности не шастать, пока не высохнет. Не хватало ещё поскользнуться на мокром полу и получить травму в стенах больницы.

Входит Аня в палату:

— Добрый вечер, граждане! Чем занимаемся?

— Любовью, Анечка, любовью! — страстно выдыхает долговязый остроносый парень с соломенными волосами, похожий на Джека Соломинку. Руки у него пухло, толсто забинтованы, будто засунуты в белоснежную муфту. Неудачно разводил костёр, плеснул бензинчику...

— Как живёте, ребята? — спросит Аня в следующий раз (Люда научила: мол, ты с ними не цапкайся: будь проще, грубее).

— Регулярно живём, Анечка, регулярно! — снова этот остроносый заводила и паршивая овца в стаде Джек Соломинка. Мужики посмеиваются, а красная Аня спешит поскорее сделать уборку и убежать прочь.